

літичних партій не зустрічаємо самого поняття «громадянське суспільство». Основна причина полягає в тому, що К. Маркс піддав критиці гегелівську концепцію громадянського суспільства, в якій поняття «громадянське суспільство» при прямому перекладі на українську мову звучало не інакше як «буржуазне суспільство» (*die bürgerliche Gesellschaft*). Ця ситуація, ясна річ, внесла певну плутанину в осмислення концепції громадянського суспільства у тодішній українській політичній думці. Проте, це не значить, що дана проблематика була виключена з розгляду взагалі. Як помітно з програмних документів розглянутих партій, проблема взаємодії громадянського суспільства та державної влади турбувала і представників української інтелігенції, зокрема, при розгляді питань освіти (і просвіти) населення, церковного та релігійного життя. Проте, у більшій мірі концепція громадянського суспільства на сторінках програм українських політичних партій підносилася у вигляді аналізу ролі та місця кооперації та кооперативного руху, робітничих організацій та об'єднань, громад та органів місцевого самоврядування у розвитку самоорганізації населення України першої чверті ХХ століття.

Бібліографічні посилання:

1. **Андрієвський В.** До характеристики українських правих партій : З доповіді, читаної 16–17/ХІІ 1920 р., в українському військовому таборі в Райхенбергу / Віктор Никанорович Андрієвський. – Берлін : [б. в.], 1921. – 24 с.
2. Багатопартійна українська держава на початку ХХ ст. : Програмні документи перших українських партій / [упоряд. В. С. Журавський]. – Київ : Наук.-інформ. підприємство «Пошук», 1992. – 96 с.
3. **Кармазіна М.** Ідея державності в українській політичній думці (кінець ХІХ – початок ХХ століття) / Марія Степанівна Кармазіна. – К. : ПіЕНД, 1998. – 350 с.
4. **Левинський В.** Селянство і соціалдемократія. Додаток : Аграрні програми соціалістичних партій / Володимир Петрович Левинський. – Львів : Накладом часописі «Земля і Воля», 1910. – 112 с.
5. **Михальський І.** Програмові матеріали і статuti як джерело з історії українських політичних партій кінця ХІХ – початку ХХ ст. / Ігор Сергійович Михальський // Вісник Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля. – 2003. – № 5 (63). – С. 140–148.
6. Програма Української Комуністичної Партії (Ухвалена Першим Установчим З'їздом У. К. П. 22–25 січня 1920 року). – Відень–Київ : [б. в.], 1920. – 64 с.
7. **Стахів М.** Українські політичні партії у соціологічному навітленні / Матвій Стахів. – Нью-Йорк, Детройт, Скрантон : Українська вільна громада в Америці, 1954. – 104 с.
8. Тисяча років української суспільно-політичної думки. У 9-ти т. – Т. 6. 90-ті роки ХІХ – 20-ті роки ХХ ст. / [упоряд., прим. Т. Гунчака, Р. Сольчаника]. – К. : Дніпро, 2001. – 520 с.
9. Українська суспільно-політична думка в 20 столітті : Документи і матеріали : у 3-х т. – Т. 1. / [упоряд. Т. Гунчак і Р. Сольчаник]. – Мюнхен : Сучасність, 1983. – 510 с.
10. Українські політичні партії кінця ХІХ – початку ХХ століття : програмові і довідкові матеріали / [упоряд. В. Ф. Шевченко та ін.]. – Київ : Фенікс, 1993. – 336 с.
11. **Ушкаренко Ю.** Ідентифікація понять «кооперативний рух» і «кооперативна система» / Ю. В. Ушкаренко, В. І. Грек // Науковий вісник Національного лісотехнічного університету України : Збірник науково-технічних праць. – Львів : РВВ НЛТУ України. – 2011. – Вип. 21. 7. – С. 374–377.

УДК 327

А. С. Джилаван

ВЛИЯНИЕ СИРИЙСКОГО ФАКТОРА НА РЕАЛИЗАЦИЮ ТУРЦИЕЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ «НЕООСМАНИЗМА» НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ.

Данная статья посвящена влиянию сирийского кризиса на ближневосточную политику Турции в рамках концепции «неоосманизма».

Ключевые слова: внешняя политика, Ближний Восток, «неоосманизм».

Дана стаття присвячена впливу сирійського кризи на близькосхідну політику Туреччини в рамках концепції «неоосманізму».

Ключові слова: зовнішня політика, Ближній Схід, «неоосманізм».

© Джилаван А. С., 2012

This article is devoted to the influence of the Syrian crisis on conception of neo-Ottomanism in

Middle East policy of Turkey.**Keywords:** foreign policy, the Middle East, “neoosmanizm”.

Актуальность данной тематики заключается в существенной важности сирийского фактора в процессе реализации турецких региональных амбиций по достижению регионального лидерства на Ближнем Востоке. Кризис в Сирии является объектом повышенного внимания не только Турции и стран арабского мира, но и всего мирового сообщества, неблагоприятное развитие которого, чревато ростом терроризма, сепаратизма и экстремизма не только в регионе, но и за его пределами.

18 декабря 2010 года стало отправной точкой для начала серьезных преобразований на Ближнем Востоке. Революции в Тунисе, Египте, гражданская война в Ливии, а в дальнейшем и народные восстания в Сирии, переросшие в кризис с затяжным характером, изменили прежнюю политическую расстановку сил в регионе. Все эти события получили название Арабской весны. Соединенные Штаты Америки и другие страны Западного мира во всем этом желали увидеть формирование благоприятной почвы для начала демократизации Ближнего Востока в рамках программы «Большой Ближний Восток», выдвинутой Джорджем Бушем-младшим. Однако, на современном этапе, учитывая динамику развития событий и продолжение возрастания напряженности в арабском мире, возникает мнение, согласно которому, не представляется возможным урегулировать все конфликты и приступить к началу реформ в рамках западно-демократических ценностей в краткосрочной перспективе.

Сдвиг баланса сил на Ближнем Востоке в сторону политической неопределенности может привести к большему росту терроризма, сепаратизма и экстремизма не только в рамках региона, но и далеко за его границами, а также стать препятствием для реализаций политических концепций ведущих региональных игроков, в том числе и Турции.

Турция – один из крупнейших игроков на Ближнем Востоке. Анкара оказывает существенное влияние на политические процессы в регионе в силу своего уникального геополитического расположения. К тому же, являясь участником Североатлантического блока и одним из важнейших стратегических партнеров США в регионе, Турция обладает возможностью реализовать свои внешнеполитические амбиции на Ближнем Востоке.

С недавнего времени, эти турецкие амбиции начали показывать некоторое отмежевание от Западного полюса и более интенсивную направленность на Ближний и Средний Восток, а также Северную Африку. Данная переориентировка внешнеполитического видения Анкары на Восток во многих экспертных и политических кругах поучило название концепции «нового османизма» или «неоосманизма».

Фактическим проявлением геостратегии «неоосманизма» целесообразно считать 2003 год, когда Великое Национальное Собрание шокировало США тем, что не разрешило открыть второй фронт для вторжения в Ирак на турецкой территории. Это обстоятельство стало свидетельством того, что Турция изъявляет желание отстраниться от роли послушного проводника Западной политики на Ближнем Востоке. А в марте 2009 года, выступая перед членами Партии Справедливости и Развития (ПСР), министр иностранных дел Турции и фактический архитектор новой внешнеполитической концепции Ахмет Давутоглу прямо заявил: «Есть наследие, которое оставила Османская империя. Нас называют «новыми османами». Да, мы «новые османы». Мы вынуждены заниматься соседними странами, и идём даже в Африку» [1].

Данная концепция очень четко обозначает региональные амбиции правящей партии, согласно которой Турция должна занять принципиально иную региональную позицию – позицию региональной сверхдержавы.

Естественным является тот факт, что ни одно региональное лидерство не может быть достигнуто без установления партнерских и стратегических отношений с соседними государствами. Закрепления стабильности вокруг своих границ стало одним из важнейших принципов «неоосманской» политики, которая получила название «ноль проблем с соседями». Налаживание именно таких отношений с Сирией выступало одной из приоритетных задач для Турции.

Турецкое и сирийское государства не раз балансировали на грани полномасштабного конфликта на протяжении десятилетий. Однако ситуация в корне изменилось после исторического визита президента Сирии Башара аль-Асада в Турцию в 2004 году. В 2009 году был создан двусторонний совет Стратегического сотрудничества, подписан целый ряд соглашений в сферах политического и социально-экономического сотрудничества, а также 50 соглашений по экономическому сотрудничеству. Так, к примеру, одним из результатов потепления турецко-сирийских отношений стало расширение торгово-экономических отношений в приграничных районах двух государств. Были созданы турецкие компании, ориентированные на сотрудничество с Сирией. Турция поставляла в Сирию продукцию сталелитейной промышленности, элек-

трические машины и приборы, нефтепродукты, изделия из пластмассы и т. п. Такая динамика двустороннего торгово-экономического сотрудничества привела к увеличению объема турецкого экспорта с 43 тыс. долларов в 2000 году до 80 млн. долларов в 2010 году, и это только в провинции Шанлыурфа [2].

К тому же, следует отметить, что после введения безвизового режима между Турцией и Сирией сфера туризма и обслуживания стало заметно активизироваться. Увеличилось число туристов как из Сирии в Турции, так и наоборот. В итоге, благодаря данной тенденции между жителями приграничных районов, имеющие родственные связи, наметился социальный эффект, который имел большой стимул к своему дальнейшему расширению. Вполне не обоснованно можно считать, что данное обстоятельство могло сыграть благоприятную роль в реализации «неоосманской» внешнеполитической концепции на сирийском направлении.

Но ситуация резко изменилась с началом антиправительственных демонстраций в январе 2011, которые к осени того же года переросли в открытое вооруженное противостояние против режима Асада, вследствие чего, сирийский фактор стал своего рода краеугольным камнем в осуществлении турецких региональных стремлений.

По отношению к Сирии Турция заняла позицию осуждения режима Асада и правящей партии БААС, а в августе 2011 года в Стамбуле был сформирован оппозиционный Сирийский национальный совет (СНС). Данную позицию вполне целесообразно можно считать еще одним аспектом «неоосманской» политики. Речь идет об активном участии в урегулировании конфликтов на территории, которая в прошлом входила в состав Османской империи. Упразднение очагов конфликтности на территории потенциального расширения влияние является крайне важной фазой перед установлением регионального лидерства. Тем не менее, не следует упускать из виду, что урегулирование должно проистекать политико-дипломатическими методами как наиболее эффективными в условиях многонациональной или многоконфессиональной структуры участников конфликта. Мировая практика не раз показывала, какие негативные последствия возникают в результате военного вмешательства в страны, где население не являлось однородным.

Исходя из этого, вполне понятно активное участие Анкары в урегулировании сирийского кризиса, поскольку при достижении успеха на данном направлении, Турция может заполучить дивиденды в виде роста своего авторитета и влияния не только внутри региона, но и за его пределами.

Однако на сегодняшний день не представляется возможным судить о каких-либо серьезных успехах Турции в рамках разрешения конфликта внутри Сирии. Ухудшение двусторонних отношений уже оставило свой отпечаток на торгово-экономических отношениях, что привело к снижению экспортных и импортных показателей, а также к регрессу в приграничных районах. К тому же у Турции появилась новая проблема в лице сирийских беженцев, на содержание которых турецкое правительство потратило более 300 млн. долларов. Возникло ощущение, что Турция не в состоянии гармонизировать противоположные интересы на разных направлениях, а политика «ноль проблем с соседями» в своем итоге стала видиться парадоксальной. К тому же не оправдался расчет Анкары на то, что в результате быстрого падения режима Асада, турецкое руководство сможет укрепить свое влияние в Сирии – конфликт принял затяжной характер.

Более того, в турецком руководстве за последнее время начали усиливаться интервенционистские настроения, подогреты обстрелами со стороны Сирии, начатые в октябре сего года.

При всем этом стоит уделить особе внимание тому, что турецкое военное вмешательство чревато негативными последствиями, как для самой Турции, так и для дальнейшей реализации «неоосманской» геостратегии. В силу этого обстоятельства выступают следующие факторы.

Во-первых, военное выступление Анкары против Сирии грозит повторить иракский сценарий, учитывая затяжной характер конфликта. Такие действия без соответствующей санкции ООН, даже при дипломатической поддержки Анкары союзниками по блоку НАТО, могут быть расценены как акт международной агрессии. Единичные попадания снарядов на турецкую территорию, в свою очередь, не могут быть определены перманентной угрозой национальной безопасности Турции [3].

Во-вторых, в условиях военной интервенции будет поставлен под вопрос курдский аспект неоосманской политики. По сути, «новый османизм» не видит угрозы в культурной самобытности курдского населения, предоставляя им право выражать свою национальную самость, и пользуется большим вниманием курдской общественности. По крайней мере, некоторые курдские силы видят перспективу у этого проекта, вплоть до установления конфедеративных отношений Иракского Курдистана и Турции. Термин Т. Озала «Анатолийская республика» до сих пор обсуждается в курдских политических кругах. А прямое военное вмешательство со стороны Турции может вызвать отток курдского населения, компактно проживающего на севе-

ре Сирии, в сторону Рабочей партии Курдистана (РПК), получившей статус террористической от турецкого правительства. В таких условиях иракские курды, ранее поддерживавшие своих сирийских братьев, могут многократно усилить эту поддержку, что в итоге поставит крест на попытках Анкары наладить «добрососедские» отношения с руководством Иракского Курдистана. В итоге, такое развитие событий грозит вызвать цепную реакцию среди курдов и, тем самым, обострит и без того сложный для Турции национальный вопрос.

Таким образом, кризис в Сирии, в разрешение которого вовлечены не только региональные державы, но и мировое сообщество, представляет собой крайне тяжелую ситуацию, дальнейшее усугубление которой может стать серьезнейшим препятствием к реализации «неоосманского» видения Ближнего Востока. Турецкое руководство должно понимать тот факт, что любой агрессивный метод в решении данного вопроса, может привести ни к чему иному, как только к негативным последствиям для страны. Особенно нужно уделить особое внимание тому факту, что выступление Турции в этом конфликте со стороны какой-либо конфессиональной позиции абсолютно недопустимо в силу того обстоятельства, что разделение Ближнего Востока на суннитский и шиитский блоки могут сильно ограничить «неоосманские» амбиции Анкары [].

Турция, осознавая региональную обстановку, должна занимать позицию третьей силы и выбрать исключительно политико-дипломатические методы для содействия в решении данного кризиса, основываясь на международном праве, поскольку иные способы в ближайшей перспективе не являются благоприятными в условиях установления регионального лидерства Турции на Ближнем Востоке.

Библиографические ссылки:

1. Политика «нового османизма» Турции и постсоветское пространство [Электронный ресурс] // Режим доступа: [http:// newsland. ru/news/detail/id/827288/](http://newsland.ru/news/detail/id/827288/);
2. Свистунова И. А. О некоторых последствиях сирийского кризиса для Турции [Электронный ресурс] // Режим доступа: [http:// iimes. ru/?p=15590](http://iimes.ru/?p=15590);
3. Щегловин Ю. Б. Турция-Сирия: вероятность военного вторжения [Электронный ресурс] // Режим доступа: [http:// iimes. ru/?p=15727](http://iimes.ru/?p=15727);
4. Гаджиев А. Г. Турция: от политики «ноль проблем с соседями» к политике «хочешь мира, готовься к войне»? [Электронный ресурс] // Режим доступа: [http:// iimes. ru/?p=15262](http://iimes.ru/?p=15262).

УДК 316. 344. 42

Н. А. Дубовик

ОСОБЛИВОСТІ ФОРМУВАННЯ ЕЛІТ В УКРАЇНІ ТА ЇХ ВПЛИВ НА РОЗВИТОК СУСПІЛЬСТВА

Розглянуто проблему формування еліти України. Проведено дослідження особливостей формування сучасної «політичної еліти». Розкрито можливості впливу еліти на розвиток суспільства. Зроблено висновок про те, що «еліта» та «ерзац-еліта» відіграють різні соціальні ролі. Професійність, виключна відповідальність, первинність соціальних та національних інтересів над особистими – це фактори, які сприятимуть могутності і величі української держави.

Ключові слова: еліта, політична еліта, суспільство, теорія еліт, типологія еліт.

Рассмотрено проблему формирования элиты в Украине. Проведено исследование особенностей формирования современной «политической элиты». Раскрыты возможности влияния элиты на развитие общества. Подано определение понятий «элита» и «эрзац-элита». Сделано вывод о том, что «элита» и «эрзац-элита» отображают разные социальные роли. Профессиональность, исключительная ответственность, первичность социальных и национальных интересов над личностными – это факторы, которые способствуют могуществу и величественности украинского государства.

Ключевые слова: элита, политическая элита, общество, теория элит, типология элит.

A problem of the Ukrainian elite's formation was studied. A research of the specialities of the modern «political elite's» formation was done. The possibilities of the elite's influence to the development of the society were disclosed. A conclusion was done regarding the matter that «elite» and «ersatz-elite» play different social roles. Professionalism, exceptional responsibility,

© Н. А. Дубовик, 2012

antecedence of the social and national interests on personal ones are the factors able to contribute